

Henry E. Hale**Patronal Politics****Eurasian Regime Dynamics
in Comparative Perspective**

Cambridge University Press. Cambridge. 2015.

В любой отрасли научного знания есть книги, которые принято относить к категории *must read* — это означает, что все специалисты, интересующиеся той или иной проблематикой, обязаны не просто их прочесть, но так или иначе соотнести свою работу с теми подходами и выводами, которые предложены авторами этих книг. Так, политологи, которые пишут о становлении национализма, не могут пройти мимо “Воображаемых сообществ” Бенедикта Андерсона, а те, кто анализирует механизмы принятия внешнеполитических решений, по сей день отталкиваются от “Сути решения” Грэма Аллисона. В исследованиях политики постсоветской Евразии статус *must read*, по всей вероятности, надолго будет закреплен за новой книгой Генри Хейла — хотя бы потому, что на сегодняшний день она представляет собой единственное систематическое сравнительное исследование динамики политических режимов всех стран постсоветской Евразии (включая и непризнанные государства, такие как Приднестровье и Абхазия). Но главная заслуга Хейла состоит не столько

в широте охвата его работы, сколько в том, что он предложил новые рамки анализа постсоветских политических процессов, которые могут серьезно поменять вектор дискуссий. Исследования постсоветской политики долгое время развивались в нормативном русле, отчасти напоминая голливудскую логику противостояния “хороших парней” “плохим”, демократов и реформаторов — автократам и соискателям ренты. *Happy end* — победа сил добра — казался логичным исходом (ряд интерпретаций “цветных революций” был выдержан в этом ключе). Последовавшее разочарование побудило многих авторов сменить стиль интерпретаций постсоветской политики на *film noir* (“чернуха”), когда весь регион представлялся исключительно как заповедник хищных посткоммунистических коррупционеров. Рецензируемая книга противопоставляет нормативному взгляду на постсоветскую политику ее позитивный анализ — она призвана объяснить не “как должно быть”, а как (и главное, почему) постсоветские политические режимы функционируют “на самом деле”.

Хейл, защитивший докторскую диссертацию в Гарварде и ныне работающий в университете Джорджа Вашингтона, получил высокое признание среди специалистов благодаря своим многочисленным статьям и двум предыдущим книгам — *Why Not Parties in Russia* (2005) и *The Foundations of Ethnic Politics* (2008). В них речь шла, соответственно, о становлении российской партийной системы в 1990–2000-е годы и о роли этнополитики в процессах сепаратизма в период распада СССР и после. Новая книга, с одной стороны, служит логическим продолжением ряда предыдущих работ Хейла, а с другой — обобщает анализ конкретных аспектов политического развития постсоветской Евразии. *Patronal Politics* представляет собой оригинальное и целостное исследование постсоветских государств, в фокусе которого — взаимное воздействие формальных и неформальных политических институтов на политическую динамику этих стран. Сами по себе неформальные аспекты политического процесса, равно как и роль формальных институтов (таких как выборы, конституции, парламенты) в недемократических режимах — постсоветских и не только — по отдельности изучались и ранее. Но, пожалуй, лишь Хейл смог предложить убедительное объяснение совокупного влияния этих феноменов на изменения постсоветских режимов.

Хейл рассматривает постсоветские политические процессы, прежде всего, как следствие неформальной “патронажной политики” (*patronal politics*) (*сам Хейл предпочитает вариант перевода “патрональный”*. См. его статью в настоящем выпуске — Прим. ред.), которая структурируется вокруг материальных вознаграждений и наказаний для членов иерархически организованных “пирамид власти”. При этом механизм вознаграждений и наказаний определяется личными связями внутри “пирамид”. Политики, находящиеся на вершине этих “пирамид”, — патроны — обеспечивают лояльность подконтрольных им клиентов не только в силу наличия у них достаточного объема ресурсов и способности осуществлять избирательное наказание

клиентов за нелояльность, но и благодаря возможности вести мониторинг и контролировать поведение нижестоящих этажей “пирамиды”. Такой политический порядок был характерен для многих нынешних развитых демократий в прошлом, да и сегодня он весьма распространен в различных регионах мира. Однако в отличие от ряда исследований клиентелизма, описывающих сети патрон-клиентских отношений в статике, Хейл подчеркивает динамический характер “патронажной политики”, который связан с конкуренцией “пирамид власти” между собой, а главное — со сменой ожиданий клиентов и “брокеров” из числа элит (олигархов, региональных лидеров, бюрократов) в отношении перспектив своих патронов. Он убедительно демонстрирует, что именно смена ожиданий влекла за собой обрушение “пирамид власти” в ходе “цветных революций” в Грузии, Украине и Кыргызстане, в то время как стабильность ожиданий в Казахстане и Беларуси укрепляла эти “пирамиды”.

В свою очередь, Хейл аргументированно утверждает, что ожидания элит формируются и меняются под воздействием формальных институтов, которые возникают отчасти как побочный продукт политических конфликтов, но, тем не менее, обладают собственной логикой функционирования. Прежде всего, это конституции, предоставляющие широкий и слабо ограниченный набор полномочий всенародно избранным президентам. Конституции способствуют закреплению единственной “пирамиды власти” в формате “патронажного президентства” (как показывает Хейл на примере Молдовы, аналогичный феномен может быть присущ даже тем странам, где, по конституции, всей полнотой власти обладают парламенты; Хейл называет его “патронажным парламентаризмом”). Напротив, премьер-президентские формы правления, подобные тем, что сложились в Украине в 2005–2010 годах и после 2014 года, задают условия для конкуренции между “пирамидами власти”, тем самым подрывая монополию на политический патронаж. Формальные ограничения сроков президентских полномочий, равно как и фактическая сменяемость патронов,

создают условия для “режимных циклов”, когда происходит разрыв преемственности, но при этом новым патронам удается восстановить, а часто и упрочить “пирамиду власти” (опыт России при Ельцине и Путине и Грузии при Шеварднадзе и Саакашвили служит наглядным тому подтверждением).

Именно стимулы и ожидания, которые задаются сочетанием неформальных механизмов “патронажной политики” и формальных “правил игры”, обуславливают, по мнению Хейла, динамику постсоветских политических режимов в различных ее вариациях. Тем самым его книга заочно полемизирует и с авторами, которые видят в сильной президентской власти главную причину авторитарных тенденций в постсоветских странах (как, например, Стивен Фиш в книге *Democracy Derailed in Russia*), и с теми, кто полностью игнорирует наличие формальных “правил игры”, концентрируясь на закулисных процессах в коридорах власти (примером может служить недавняя книга Карен Давиша *Putin’s Kleptocracy*).

Хотя Хейл прослеживает генезис “патронажной политики” в российском и советском прошлом, интерпретируя работы историков — от Эдварда Кинана и Ричарда Пайпса до Орландо Файджеса и Олега Хлевнюка — ему отнюдь не присущ историко-культурный детерминизм, популярный среди многих пишущих о России авторов, которые представляют тяжелое “наследие прошлого” в качестве неизлечимой наследственной болезни. В книге Хейла основное внимание уделено не самому “наследию”, а тому, как именно постсоветские политические акторы стремятся его использовать в корыстных целях, и почему одним из них удается построить весьма устойчивые “пирамиды власти”, а другим — нет. Отдельно в книге проанализирована роль международных акторов в постсоветской политике — по мнению Хейла, эта роль в целом не слишком значительна. Вслед за такими авторами, как Стивен Левицки и Лукан Вэй, Хейл подчеркивает, что в регионе постсоветской Евразии “взаимосвязи” (*linkages*) с Западом до сих пор остаются довольно слабыми, а потому у Запада нет эффективных

“рычагов” (*leverages*), с помощью которых он мог бы влиять на внутривнутриполитические процессы в соответствующих странах. В этом, полагает Хейл, состоит коренное отличие постсоветских государств от ряда других регионов мира. Если в странах Восточной Европы воздействие со стороны Европейского Союза и фактическое внешнее ограничение их суверенитета подорвало влияние глубоко укорененной “патронажной политики” и поставило барьер на пути строительства “пирамид власти”, то для постсоветских стран подобное развитие событий в обозримом будущем нереально. Поэтому Хейл скептически смотрит на перспективы “продвижения демократии” на постсоветском пространстве. Он справедливо отмечает неоправданный характер ожиданий американских и европейских политиков и непонимание ими природы тех ограничений для перехода к открытой конкуренции и верховенству права, которые создает “патронажная политика”.

Есть ли шансы преодолеть “патронажную политику” в странах постсоветской Евразии? Хейл связывает надежды на подрыв “пирамид власти” с успешным и устойчивым экономическим развитием — но лишь в долгосрочной перспективе, возможно, на протяжении не одного поколения. Ожидания подобной эволюции опираются на логику теории модернизации и на опыт ряда стран и регионов мира от Восточной Азии до Латинской Америки. По отношению к России они были хотя бы отчасти оправданы до начала конфликта с Западом вокруг Украины в 2014 году. Сегодня в условиях нарастающей милитаризации, когда экономическое развитие принесено в жертву геополитическим амбициям и стремлению руководства страны сохранять свою власть любой ценой, подобные ожидания выглядят не слишком реалистично. Продолжение конфронтации с Западом создает новые вызовы для “патронажной политики” в России — а это означает, что представленный в книге Хейла анализ постсоветских “пирамид власти” не скоро утратит актуальность.

Владимир Гельман